

Завалишин А. Ю., Костюрина Н. Ю.
A. Y. Zavalishin, N. Y. Kosturina

ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР КУЛЬТУРНОЙ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

EASTERN VECTOR OF CULTURAL GLOBALIZATION

Завалишин Андрей Юрьевич – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры истории и регионоведения Санкт-Петербургского государственного университета телекоммуникаций им. проф. М. А. Бонч-Бруевича (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: native59@rambler.ru.

Andrey Yu. Zavalishin – Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor, History and Regional Studies Department, The Bonch-Bruевич Saint Petersburg State University of Telecommunications (Russia, Saint Petersburg). E-mail: native59@rambler.ru.

Костюрина Надежда Юрьевна – доктор культурологии, доцент, профессор кафедры медиакоммуникаций и рекламы Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (Россия, Санкт-Петербург). E-mail: kosturina@mail.ru.

Nadezda Yu. Kostyurina – Doctor of Culture Studies, Associate Professor, Professor, of Media Communications and Advertising Department, The Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics (Russia, Saint Petersburg). E-mail: kosturina@mail.ru.

Аннотация. В статье раскрываются содержание и соотношение понятий «ориентализация», «истернизация», «вестернизация». Уточняется значение терминов «культурная глобализация» и «глобализация культуры» в соответствии с теорией глокализации Р. Робертсона. Дается оценка характера влияния культуры «Востока» на культуру «Запада» и глобальные культурные процессы в XX – начале XXI века. Сделан вывод о принципиальной неопределённости результатов культурного взаимодействия «Запада», «Востока» и «Юга» в обозримом будущем.

Summary. The article reveals the content and relationship of the concepts «orientalization», «westernization», «easternization». The meaning of the terms «cultural globalization» and «globalization of culture» is clarified in accordance with the theory of glocalization by R. Robertson. There are given the characteristics of the influence the culture of the «East» on the culture of the «West» and global cultural processes in the 20th – early 21st centuries. The conclusion is made about the fundamental uncertainty of the results of cultural interaction between the «West», «East» and «South» in the foreseeable future.

Ключевые слова: культура, глобализация, ориентализация, истернизация, вестернизация, глобальный Восток, глобальный Запад, глобальный Юг, адаптация, диалог культур.

Key words: culture, globalization, orientalization, easternization, westernization, global «East», global «West», global «South», adaptation, dialogue of cultures.

УДК 008;130.2;316.7

Дао рождает единицу.
Из одного родится два,
Из двух родится три.
Три – колыбель тысячи тысяч.
Из тысячи тысяч в каждом борются инь и ян,
пульсирует ци.
Так возникает равновесие...
Лао Цзы «Дао Дэ-цзин». 42 цзюань

Очередное охлаждение отношений России с Западом и провозглашённый российской властью «поворот на Восток» [18] делают актуальными вопросы о том, что скрывается за понятием «Восток», какую роль он играет (или может играть) в глобальном процессе и какое место в этом

процессе занимает Россия. Вопросы тем более актуальные, что такие понятия, как «Восток» (в геополитическом и геокультурном отношении) и «глобализация» (в том числе культурная), в разных исследовательских парадигмах трактуются очень по-разному. Последнее со всей очевидностью требует уточнения смысла базовых терминов этой статьи.

Прежде всего, необходимо отметить, что «Восток» в данном контексте – понятие не географическое, а геополитическое, о чём говорят многие исследователи, как российские [7], так и зарубежные [23]. Если изначально (со времён Античности) под Востоком подразумевались Передняя Азия и Северная Африка, по мере Великих географических открытий к ним добавились Индия и весь Дальний Восток, то в настоящее время, по справедливому замечанию Джейн Сушил, это всё то, что можно охарактеризовать как «не-Запад» [22, 2]. А «Запад» – это Западная Европа, США, Канада, Австралия и (оп!) Япония, Южная Корея, Тайвань, с некоторыми оговорками – Гонконг, т. е. те страны и регионы, которые являются «ядерными» по терминологии И. Валлерстайна [5]. Как здесь не сделать перифраз известного высказывания И. В. Сталина: «Пойдёшь налево – придёшь направо» [15, 191] – «Пойдёшь на Восток – придёшь на Запад».

Современный научный дискурс по «восточной» проблематике довольно чётко разделяется на два базовых направления: ориенталистское (от лат. *oriens* – восток) и истернистское (от англ. *east* – восток). Первое возникло ещё во времена Античности, но стало наполняться научным содержанием с конца XVII – начала XVIII столетия, второе появилось как реакция на глобализацию лишь в последнем десятилетии XX века. Поэтому неслучайно, что термин «истернизация» всё ещё многим «режет слух» и кажется «искусственным», хотя он совершенно однозначно коррелирует со своим антагонистом «вестернизацией», давно и прочно закрепившимся в научно-политическом лексиконе. Одним из следствий относительной новизны второго понятия стало и то, что некоторые авторы, рассуждая о процессах истернизации, используют термины «ориентализация», «ориентализм», внося этим ещё большую путаницу в их содержание.

В данном случае мы исходим из того, что понятия «ориентализм», «ориенталистика» и «ориентализация» относятся к сферам искусствоведения, языкознания (включая литературоведение) и истории, т. е. к тому, что в России называют востоковедением, а понятие «истернизация» характеризует процесс глобальной, преимущественно социокультурной «интервенции» «Востока» на «Запад», начавшейся не ранее середины XX века и являющейся объектом исследования социологии, политологии и культурологии (последняя в данном случае становится дисциплинарным «мостиком» между исследованиями в области ориентализации и истернизации).

Невозможно отрицать, что Восток и Запад были связаны между собой с глубокой древности. Явление ориентализации и порождённый им ориентализирующий (протокоринфский) стиль обнаруживаются в искусстве Древней Греции уже в VII в. до н. э. [4]. В эпоху Средневековья, во многом благодаря крестовым походам, в Западную Европу проникают не только предметы искусства и быта народов, преимущественно Передней Азии и Северной Африки, но и некоторые их традиции, обычаи, элементы мировоззрения [6]. В XIX – начале XX века в Европе возникает мода на «Восток», которая проявилась как в материальной сфере, так и в духовной. В обиход европейской публики входят персидские ковры, китайский фарфор, индийская посуда и т. п., популярность приобретают переводная восточная литература и трансцендентальные религиозные практики (дзен-буддизм, даосизм, йога и т. п.), которым приписывается роль «мистического ядра всех религий» [21]. Однако степень и глубину проникновения «Востока» в культуру, менталитет, идентичность западного обывателя вплоть до конца XX века вряд ли можно считать настолько существенными, чтобы придавать им такую же политико-идеологическую значимость, какую придают вестернизации восточных обществ.

Трактовка термина «ориентализация» (*orientalizing/orientalization*) в Оксфордском словаре представлена несколько под другим углом зрения – как «процесс активной трансформации элементов восточной культуры людьми в не-восточных местах (*non-eastern locations*)» [24]. В той же статье подчёркивается, что есть три методологические и этические проблемы его использования: «навязывание» (*imposition*) западного взгляда на «Восток» (имплицитно утверждающее идею западного превосходства над «Востоком»), на что справедливо указывает американский учёный

арабского происхождения Эдвард Вади Саид [14]), объединение под общим понятием «Восток» очень разных стран и народов, а также тема агентности (agency), под которой в данном случае понимают способность и свободу к действию, что, по мнению апологетов «Запада», является одним из принципиальных отличий западного общества от восточного. Но в любом случае данное понятие в трактовке Оксфордского словаря апплицируется почти исключительно на культурную ситуацию в Древней Греции VIII – VII веков до н. э. [24].

В отечественной историографии последних десятилетий термин «ориентализм» и «ориентализация» также используется преимущественно в историческом контексте применительно к Руси/Российской империи, будь то влияние Монгольской империи в XIII – XV веках [11; 17] или Османской – в XIV – XIX веках [1; 13]. При этом в русскоязычной версии исторической науки (по аналогии с англоязычной), возможно, также следовало бы разнести и терминологически обозначить два сходных, но не совпадающих между собой явления/процесса: «ориентализацию» как *orientalizing* и «ориентализацию» как *orientalization*, понимая под первой «востокизацию» в смысле принудительного процесса навязывания восточной культуры невосточным обществам (например, в ходе военных завоеваний и/или принудительной ассимиляции), под второй – «овосточивание» в виде естественного процесса взаимовлияния культур в ходе межкультурного/межцивилизационного диалога.

Как раз последнее в наибольшей степени приближается к понятию «истернизация», но только применительно к процессу взаимодействия западных и восточных культур начиная со второй половины XX века. Американский учёный индийского происхождения Сушил Джейн, возможно, первым предложивший использовать этот термин ещё в 1988 г., трактовал его как «влияние или присутствие Востока в вопросах народонаселения, иммиграции, экономики, религии, философии и т. д. на Западе» [22, 3]. В труде с символическим названием «Истернизация западного мира. Очерк обратной колонизации» изначально он связывал её с распадом Британской империи и последствиями Второй мировой войны, когда «в результате огромных потерь рабочей силы из-за военных действий многие колониальные державы, стремящиеся оживить свою экономику, “пригласили” некоторых из своих бывших подданных работать на заводах» [22, 5]. Поток мигрантов из бывших колоний в бывшие метрополии увеличивался с каждым годом, пока в 1960-е не превратился в настоящее наводнение (*flood*). Мнение о том, что все эти люди прибыли лишь на время, чтобы помочь Европе быстрее восстановиться после окончания войны, оказалось ошибочным. Мигранты справедливо посчитали бывшие метрополии своей второй родиной и ехали навсегда, вскоре став значимой частью западных обществ. Последнее явление как раз и породило тот феномен, который Сушил Джейн назвал истернизацией [22, 5].

Ещё один американский учёный индийского происхождения Джагдиш Н. Шетх в работе, опубликованной в 2021 г., назвал четыре фактора истернизации западного мира:

1. Быстрое старение населения и богатство западных культур и экономик (старееющее население западных стран заботится о поиске смысла жизни, и им в этом помогают восточная философия, медитация и йога; забота о здоровье, беспокойство по поводу долгосрочных побочных эффектов западных лекарственных технологий приводят к повышению интереса к восточной медицине и восточной медицинской практике).

2. Экологическая устойчивость (пришедшая с Востока идея ненасилия по отношению ко всем живым организмам, включая животных, птиц и обитателей моря привела к росту вегетарианства и веганства, а также осознанному самоограничению в потреблении и повторном использовании товаров длительного пользования).

3. Социальные сети, которые становятся мультикультурными и всё сильнее влияют на межкультурное взаимодействие людей (глобальные социальные сети оказывают значительное влияние на развитие западного искусства, формируют кулинарные предпочтения человека западной культуры и т. д.).

4. Возрождение национальных традиций на развивающихся рынках Китая и Индии, которое побуждает многих учёных, проводящих исследования в области менеджмента и гуманитарных наук, возвращаться к своим корням и стремиться вернуть мудрость прошлого в современный мир

(публикуются труды о том, чему современный менеджмент может поучиться у эпической индийской мифологии: какие этические и моральные дилеммы возникают у тех, кто находится у власти; заново открываются и контекстуализируются идеи великих восточных мыслителей (Конфуций), учения о сострадании Дао, бережливости и смирении и т. д.) [27, 657-658].

Интерес российских учёных к проблеме истернизации возник в 2010-е годы и неуклонно увеличивался в течение всех последних лет [3; 8; 10; 25].

Процесс культурной «интервенции» Востока в западное общество продолжал усиливаться в течение всех лет XXI века и имел амбивалентные последствия. Однако для того чтобы дать этому явлению максимально объективную оценку, необходимо внести ясность в понятие «культурная глобализация». Вопреки многочисленным утверждениям учёных и ещё более политиков о возможном завершении процесса глобализации и даже начале деглобализации в 2020-е годы [12], сложно отрицать тот факт, что в сфере культуры глобализация продолжается и никакие пандемии, экономические кризисы и вооружённые конфликты её не смогли приостановить. Также следует, на наш взгляд, различать понятия «культурная глобализация» и «глобализация культуры», которые отнюдь не являются синонимами и, в соответствии с теорией глокализации Р. Робертсона [26], могут эксплицироваться как двуединый процесс локализации глобального (культурная глобализация) и глобализации локального (глобализация культуры). Пример второго – возникновение наднациональных или транснациональных структур, организаций, деятельность которых направлена на регулирование культурных процессов в масштабах всего мира или глобальных макрорегионов (ЮНЕСКО, Всемирный культурный совет, Международная организация тюркской культуры и др.). Примером первого как раз является распространение и проникновение в культуры не-восточных народов культурных практик глобального «Востока».

Очевидно, что такое «проникновение» не может иметь непосредственный характер, поскольку любой элемент культуры-донора, прежде чем стать органичным элементом культуры-реципиента, претерпевает изменения, адаптируясь под изначально чуждую культурную систему. В наибольшей степени это касается нематериальной сферы (ценностей, норм, обычаев, мировоззрения и т. д.), но отчасти и материальной (например, адаптация блюд национальной кухни). Процесс подобных заимствований происходит постоянно, но только лишь в последние десятилетия произошёл буквально взрыв интереса к этой области. Причины достаточно очевидны: во-первых, возникновение глобального информационного пространства, элиминировавшего какие-либо преграды для повсеместного распространения иных культур и знакомства с ними; во-вторых, резкое увеличение масштабов миграций, как добровольных, так и вынужденных, вследствие чего некогда однородные в культурном отношении сообщества стали мультикультурными.

Показательно, что первоначально в сферу научного (и ещё более – политического) дискурса попала проблема вестернизации, в чём многие увидели угрозу утраты восточными обществами их национальных идентичностей и глобальной «унификации» культуры. Об угрозе истернизации заговорили гораздо позднее, и до сих пор эта тема остаётся в сфере интересов сравнительно небольшого числа исследователей (многие из которых – западные учёные восточного происхождения [14; 22; 27; 28]). Такая асимметрия не выглядит случайной, в ней имплицитно проявилось недавнее наследие идеологии европоцентризма, публичное выражение которой считается неполиткорректным, но всё ещё время от времени проскальзывает в оценках и выводах европейских и американских авторов. Неслучайно тема вестернизации/истернизации, так же как ориентализм в целом, первоначально возникла именно в западной науке, одним из базовым положений которой остаётся убеждённость в изначальном превосходстве «Запада» над «Востоком», из чего закономерно следует, что угроза вестернизации для «Востока» является более реальной, чем истернизации для «Запада». И западные интеллектуалы выражают «озабоченность» по этому поводу.

Причина интереса к теме взаимопроникновения культур учёных и широкой общественности, политиков разных стран кроется в первую очередь в политической плоскости. Как вестер-, так и истернизация приводят к изменению социокультурных идентичностей народов и стран. А это уже прямая угроза легитимности политических режимов: вестернизация несёт угрозу авторитар-

ным режимам «Востока», истернизация – демократическим режимам «Запада», и именно поэтому попадает в политическую повестку и тех, и других.

Культурная ситуация в России, находящейся между «Западом» и «Востоком» как в географическом, геополитическом, так и геокультурном отношении, на протяжении столетий определялась заимствованиями культурных форм с обеих сторон путём их адаптации/трансформации локальным славянским (российским) сообществом. В результате примерно ко второй половине XIX века сложилась национальная культура народов России, которая с точки зрения западного общества (Западная Европа, США) является «восточной», с точки зрения восточного (Средняя Азия, Китай) – «западной». Само по себе это стало основанием для возникновения и непримиримого идеологического противостояния западников, славянофилов и евразийцев, с одной стороны, и перманентных перемен во внешней политике Российской империи/СССР/Российской Федерации между «Западом» и «анти-Западом», с другой [2].

В первой четверти XXI века проблема вестернизации «Востока» и истернизации «Запада» осложнилась возникновением ещё одного вектора культурной глобализации, на что обратил внимание П. П. Яковлев [20] – это глобальный «Юг» (Африка южнее Сахары и Америка южнее США), для концептуализации которого по аналогии можно предложить рабочий термин – «соусизация» (от англ. south – юг) или меридиезация (от лат. meridiem – юг). И если в середине XX века в США для оценки культурной ситуации в стране использовали аллегория с плавильным котлом (melting pot) [19], несколько позже возникла альтернативная концепция «салатницы» (salad bowl) [9], то ситуация конца первой четверти XXI века рождает ассоциацию с казаном, в котором кипит варево глобальной культуры, включающей три мало совместимых ингредиента – «Запад», «Восток» и «Юг». Что из этого получится, вряд ли кто-то сегодня рискнёт предположить, остаётся только надеяться на вековую мудрость Лао Цзы, который утверждает, что «три – колыбель тысячи тысяч. / Из тысячи тысяч в каждом борются инь и ян, / пульсирует ци. / Так возникает равновесие...»

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, П. В. Концептосфера ориентального дискурса в русской литературе первой половины XIX в.: от А. С. Пушкина к Ф. М. Достоевскому / П. В. Алексеев. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 2015. – 347 с.
2. Багаева, К. А. Западничество и славянофильство: двести лет спустя / К. А. Багаева, Н. А. Жапова // Евразийство и мир. – 2020. – № 1. – С. 16-21.
3. Беляева, О. Л. Истернизация молодёжной культуры в Санкт-Петербурге: влияние Корейской волны / О. Л. Беляева. – СПб.: Санкт-Петербургская школа социальных наук и востоковедения, 2015. – 112 с.
4. Блаватский, В. Д. История античной расписной керамики / В. Д. Блаватский. – М.: Изд-во МГУ, 1953. – 304 с.
5. Валлерстайн, И. Мир-системный анализ / И. Валлерстайн // Время мира. Альманах современных исследований по теоретической истории, макросоциологии, геополитике, анализу мировых систем и цивилизаций / под ред. Н. С. Розова. – Новосибирск, 1998. – Вып. 1. – С. 105-123.
6. Возчиков, Д. В. Образ Востока в средневековой европейской культуре: учеб. пособие / Д. В. Возчиков; под ред. В. А. Кузьмина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2020. – 267 с.
7. Ганиев, Т. А. Большой Ближний Восток: геополитическая регионалистика конфликтного центра мировой цивилизации / Т. А. Ганиев, В. В. Карякин // Электронный научный журнал «Архонт». – 2018. – № 4 (7). – С. 15-28.
8. Дорожкин, А. С. Истернизация культуры и истернизация субкультур как тренды глобализации: теоретико-методологический аспект в контексте молодёжных социокультурных практик / А. С. Дорожкин // Современная молодёжь и общество: сб. науч. ст. – Минск: РИВШ, 2023. – Вып. 11. – С. 61-65.
9. Зайка, К. Модели национальной интеграции в условиях возрастающих иммиграционных потоков / К. Зайка // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 59-70.
10. Ильин, В. И. Истернизация русской повседневности: история и современность / В. И. Ильин // Мир России. – 2019. – Т. 28. – № 2. – С. 25-41.
11. Лушников, О. В. Влияние эпохи Великой Монгольской империи на российское правосознание и государственное управление / О. В. Лушников // Гуманитарные исследования. История и филология. – 2021. – № 3. – С. 25-35.

12. Миронов, В. Острова инноваций: почему России стоит готовиться к деглобализации / В. Миронов // Сетевое издание forbes.ru. – URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/483913-ostrova-innovacij-pocemu-rossii-stoit-gotovit-sa-k-deglobalizacii> (дата обращения: 19.11.2023). – Текст: электронный.
13. Подвальнов, Е. Д. К вопросу о начальном периоде ориентализации военного дела Северо-Восточной Руси / Е. Д. Подвальнов // NOVOGARDIA. – 2019. – № 1. – С. 105-118.
14. Саид, Э. В. Ориентализм: Западные концепции Востока / Э. В. Саид. – СПб.: Русский мир, 2006. – 636 с.
15. Сталин, И. В. Об англо-русском комитете единства: Речь на объединённом пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 15 июля 1926 г. / И. В. Сталин // Сочинения. – Т. 8. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1948. – С. 176-191.
16. Схиммельпэннинк ван дер Ойе, Д. Русский ориентализм: Азия в российском сознании от эпохи Петра Великого до Белой эмиграции / Д. Схиммельпэннинк ван дер Ойе; пер. с англ. П. С. Бавина. – М.: РОССПЭН, 2019. – 285 с.
17. Токарев, С. А. Ориентализация русского вооружения в XIII-XVII вв. / С. А. Токарев // Электронный научный архив Урфу. – URL: https://elar.urfu.ru/bitstream/10995/91113/1/vpn_1995_011.pdf (дата обращения: 12.11.2023). – Текст: электронный.
18. Торкунов, А. Российская политика поворота на Восток: проблемы и риски / А. Торкунов, Д. Стрельцов // Российский совет по международным делам. 2023, 10 апреля. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/comments/rossijskaya-politika-povorota-na-vostok-problemy-i-riski/> (дата обращения: 29.11.2023). – Текст: электронный.
19. Чертина, З. С. Плавильный котел. Парадигмы этнического развития США / З. С. Чертина. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2000. – 163 с.
20. Яковлев, П. П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы / П. П. Яковлев // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2021. – Т. 14. – № 2. – С. 6-27.
21. Easternization (Religious Movement) // What-when-how: In Depth Tutorials and Information. – URL: <http://what-when-how.com/religious-movements/easternization-religious-movement/> (дата обращения: 29.10.2023). – Текст: электронный.
22. Jain S. Easternization of the West: An Essay in Reverse Colonization (September 1, 1988) / S. Jain // SSRN. – URL: <https://ssrn.com/abstract=1851868> (дата обращения: 04.11.2023). – Текст: электронный.
23. Müller M. In Search of the Global East: Thinking between North and South / M. Müller // GEOPOLITICS. 2018. Routledge: Taylor & Francis Group. – URL: https://serval.unil.ch/resource/serval:BIB_C9D7F364C79B.P001/REF.pdf (дата обращения: 14.11.2023). – Текст: электронный.
24. Oxford Classical Dictionary, сайт. – URL: <https://oxfordre.com/classics/display/10.1093/acrefore/9780199381135.001.0001/acrefore-9780199381135-e-4599> (дата обращения: 22.11.2023). – Текст: электронный.
25. Pokrovskaja N. N. Easternization and Import Substitution Strategies Consequences for the Global Economy / N. N. Pokrovskaja, K. S. Lekhmus, K. V. Nikolaeva, A. A. Vinyukov // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. – 2022. – Т. 13. – Вып. 3 (55). – С. 119-128.
26. Robertson R. Globalisation or Glocalisation? / R. Robertson // The Journal of International Communication. 1994. N 1. Vol. 1. P. 33-52.
27. Sheth J. N. Commentary – Easternization of the world / J. N. Sheth // International Marketing Review. 2021. Vol. 38. N 4. P. 657-659.
28. Venugopal S. N. Easternization: Encroachments in the West / S. N. Venugopal, Lim Kim Hui // Springer Link. – URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137009289_4 (дата обращения: 16.11.2023). – Текст: электронный.